

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Богата Никольская земля талантами. Отсюда, к примеру, вышел к всесоюзному читателю Александр Яшин. Выпустили свои книжки Станислав Топороков и Вадим Каплин. Литературная жизнь в Никольске не замирает. На поприще литературы активно работают Ольга Николаева, Александр Лешуков, Анатолий Лакеев, Василий Мишенев и ряд других поэтов и прозаиков. Но беда в том, что издать свои сборники и раньше было трудно и, конечно, в нынешнее время. Этот коллективный сборник выходит благодаря спонсорам, которым хочется сказать сердечное спасибо.

Д В О Е

Ольга НИКОЛАЕВА.

Двое шли по земле;
В небе солнце смеялось,
И держал он в руке ее хлипкие пальцы,
Тонкий профиль ее приводил в умиление
Удержаться не смог —
Встал пред ней на колени.
В голубые глаза она тихо взглянула
И любовь там прочла.
От чего ж отвернулась?!
Приподнялся, обнял
Дорогую за плечи,
На ушко прошептал
Непонятные речи.
Встрепенулась, как лань,
И, прикрывшись ладонью,
Обернулась назад,
Замирая в восторге.
Локон мягких волос,
Щекотал ему губы,
Пока он ее нес
К многолетнему дубу.
Здесь, под дубом, в тени,
Как Адам и как Ева,
Надкусили плоды
От запретного древа.
Как обрывы струны
Счастье их подорвалось,
От внезапной любви
Ничего не осталось.

НЕБЕСНЫЕ СЛЕЗЫ

«А с небосклона бесшумным дождем
падали звезды»

(В. Высоцкий).

Август — пора звездопада,
Август — влюбленных пора,
После дурманного майского ада
Вновь подступает к сердцу тоска.

Бродишь в тиши закоулками где-то;
Пытаясь увидеть любимой глаза,
Вдруг замечаешь, как медленно с неба
Яркой слезинкой скользнула звезда.

Август — пора уходящего лета.
Не от того ли по вечерам
Так откровенно и горько, как дети,
Плачут великие небеса?

А на речном берегу одиноко
Азбукой Морзе мигает костер,
И вновь с небосклона блестящей слезою
Звезда набегаёт тебе на ладонь.

Ты осторожно, чтоб вдруг не разбилась,
Спрячешь беглянку в росистой траве —
И расцветут вдруг цветы голубые
В память об этой упавшей звезде.

* * *

Я снова хочу всмотреться
В твои голубые глаза,
Услышать биение сердца,
Опять испытать этот страх,
Когда ты легко рукою
Испортишь причёску мою
И скажешь: «Боже мой, Ольга!
Как же тебя люблю!»
И все смелей и смелее
Руками вести разговор
Ты станешь. Я же, немея,
Дать не могу им отпор.
И рук уж тебе станет мало —
Начнешь ты меня целовать.
И, как бы совсем случайно,
Окажется рядом кровать...

СОЗВЕЗДИЕ БЛИЗНЕЦОВ

(рассказ оплавленных свечей)

Когда еще не знали электричества —
Лишь свечи освещали нашу жизнь —
В эпоху донкихотства, в эру рыцарства
Жила одна красавица — Сесиль.

Была она единственною дочерью,
Наследницей богатств своей родни.
Все рыцари ей были очарованы —
Взирала холодно красавица на них.

Среди поклонников Сесили были двое
Собой пригожих брата-близнеца.
Они два года разными дорогами,
Блуждали. И вот встретились опять!
В Сесиль они влюбились до безумия
И по ночам слагали гимны ей.
А девушка разглядывала юношей
Сквозь занавеску на своем окне.

И удивлялась очень их похожести,
И сердце разделила пополам,
Не зная предпочесть кого из них? —
И ни которого в конце не предпочла.
(Отец приглядывал супруга для Сесиль):
Был рыцарский турнир объявлен вскоре
Счастливец, победивший в этом споре,
Сесили сердце также победит!

Но грустной оказалась наша сказка,
(А, впрочем, стоит из-за этого грустить?!):
В финале встретиться случилось братьям —
И оказался скомканным турнир.
Друг в друга копыя метить не решились
И зрителей просили их простить.
Перед Сесиль колени преклонили,
Но, оскорбленная, ушла Сесиль.

С позором изгнанные братья--трубадуры
Уехали куда глаза глядят.
И славили они вдвоем повсюду
Красу Сесиль. И им благодаря
Осталось имя в памяти народной
Красавицы таинственной Сесиль.
А имена двух братьев благородных
Не помнят и зовут их — Близнецы.

* * *

Созвездье Близнецов в вечернем небе
Когда-нибудь ты взглядом отыщи
И вспомни эту древнюю легенду
О братьях, о Сесиль и о любви.

ЗАМОК У ПЕСКА

Золотой песок ты сеешь сквозь пальцы —
Так вот день за днем утекает счастье.
Птицею вспорхнет на твое окошко,
Поклюет пшена из твоей ладошки,
И, взмахнув крылом, улетит навеки.
Сдерживая стон, ты прикроешь веки.
Вроде ничего и не изменилось,
Может, все это лишь во сне приснилось?
Может, здесь она — счастья жар-птица? —
Золотую пыль лишь отряхнут ресницы..

МЕТАМОРФОЗЫ

Слушать пенье твое под гитару
Я готова была без конца.
Все сидела и тихо мечтала
Что сольются, как песни, сердца.
Что свой взгляд ты на мне остановишь
И увидишь как дорог ты мне.
Но ты новую песню заводишь
О свечах, что сгорели во тьме.

Наши свечи давно догорели,
Все вино мы испили до дна,
И друг другу уже надоели —
Не расстаться ли навсегда?
Я виновным себя не считаю
В том, что с нами произошло:
Виновата одна лишь гитара,
Полумрак и хмельное вино.

Ты пел песни от нечего делать,
Улыбался и, взглядом меня,
Ты заставил поверить,
В то, что я полюбила тебя.
Но зачем это все было нужно, —
Мы не сможем ответить с тобой.
Я, наверно, умела слушать,
Как не слушал никто другой..

О любви не могло быть и речи —
Что за бред! И придет же на ум!
Догорели последние свечи,
Унеслись отголоски струн.

ОТШЕЛЬНИК

(лирическая повесть)

Он жил один на много тысяч верст,
Случайный гость раз в год к нему заглаживал.
Он наблюдал полет печальных звезд,
Когда они на землю тихо падали.

Он слушал вой волков и трели соловья,
И счастлив был затворничеством этим.
Но неожиданно пришла она
(О женщина! Зачем ты есть на свете!?).

Два дня брела под проливным дождем
Сама не зная в точности — куда?
Спасительный заметив огонек,
Решила постучаться в дверь она.

Он приютил ее озябшую, больную,
Лечил ее, выслушивая бред
Про жизнь какую-то совсем иную,
Где музыка, вино, где «счастья нет».

Он сам бежал от жизни той когда-то
И сделал вид, что обо всем забыл,
В своем отшельничестве черпал счастье —
Он верил в то, что счастлив был.

Но незнакомка, о которой
Ему заботиться пришлось,
Его вдруг возвратила снова
В стану полузабытых грез.

Дремал мужчина у постели,
Потрекивал в углу камин.
Полураскрыты были двери,
И — никого! Они одни.

Он только лишь сейчас увидел,
Как прекрасна гостя его.
Он сравнил бы ее с Афродитой,
Если б с кем-нибудь сравнивать мог.

В этой тихой, уютной избушке
Они были совсем одни.
И соблазн закрался в их души —
Он обоих их победил.

Да, соблазн — великая сила!
Первый признак начала любви.
Он был молод, она — красива,
И одни в этом мире, одни!

* * *

«Ночь светла, пустыня внемлет богу,
И звезда с звездой говорит...».

Я взошел на высокий холм,
Было тихо и как-то таинственно.
Свет луны затуманил мой взор,
По щеке вдруг слеза прокатилась.

Я вбирал в себя вздохи земли,
А душа моя вдаль уносилась.
И не мог я ей крикнуть: «Замри»!
Ибо дара я речи лишился.

Звезды падали в сердце мое,
И тоскою оно наполнялось.
И прозрел я, и видел я то,
Что еще никому не являлось.

Над рекой поднимался туман,
Просыпались ревнивые птицы.
Ветер кудри мои трепал,
Руки вдруг превратились в крылья.

За душой я погнался своей —
И откуда вдруг сила явилась?!
Мчался я все быстрее и быстрее,
А душа все же вдаль уносилась.

Словно коршун ее я настиг,
Как в руках она трепетно билась!
Умоляла ее отпустить —
Только я без нее разве выживу?!

Вот я снова стою на холме,
Тихо бродят внизу чьи-то призраки.
И тревожно так на душе —
Будто в затылок вдруг кто-то выстрелит.

О Н А С

Мне опять глаза твои приснились,
Ясные, как неба синева.
Мы друг друга странно так любили..
А любили ль? Я отвечу — Да!

Беглый взгляд, руки прикосновенье,
Замиранье сердца и тоска,
И такое чувство, будто небо
Нас с тобой лишило языка.

Мы любили, эх, как мы любили!
С полувзгляда понимая все,
По пустому городу бродили,
Отпуская с поводка любовь.

И шуршала в золоченных листьях,
И плескалась в берегах реки.
Подбегала к нам при нашем свисте
И касалась языком щеки.

Мы с тобой дурачились, как дети,
Потешались над собою от души,
Где уж там Ромео и Джульетте
Спорить было с нами о любви.

Ж И З Н Ь

Над головой разверзся потолок,
И солнце обнаженными лучами
Вошло в той темный, мрачный дом
И заиграло зеркалами.
Интуитивно заслонясь рукой
От этого слепительного света,
Я с удивлением взглянул на потолок:
Ужели мне не снится это?!
Но привыкаю к солнечным лучам
И вижу голубое небо;
И белые, как вата, облака
Над головой проносятся моею.
Так настезь окна! И свои
Для поцелуя протянула руки.
И я ее в объятья заключил —
Нет для меня прекраснее подруги!

* * *

«Жизнь — театр, а люди
в нем — актеры»

В. Шекспир.

Шекспир сказал, что жизнь — театр,
Что люди в нем играют роль,
А мы — скорее маскарад
Спешим устроить. Мы живем.
Под маску спрятавши лицо.
Шекспир, мы извратили мысль
Прости безумных нас, прости!

Картинность фраз, картинность поз,
От взгляда веет сквозняком..
Что ж, и за благоуханьем роз
Порой не видим мы шипов.
Они ж, вцепившись в нашу жизнь,
Нас сильно ранят сгоряча:
«Не погубите красоты», —
Они нам в этот миг кричат.

Спутени жизни проходя,
Не успеваем мы взглянуть,
Не только, что вокруг себя,
Но и на наш вчерашний путь.
Вперед! Вперед! Течение лжи.
Несет неведомый поток.
Зачем все это нам, скажи?
Ведь проще быть самим собой:

Не лгать себе, не лгать другим,
Не поддаваться на обман.
Уж коли любится — люби!
Коль презираешь — презирай!

Но вновь спешим мы погасить
Свет на земных своих подмостках —
Увы, совсем не просто жить
Без маски, грима и без роли!

МОИ КРЕСТ

(М. П.)

Любить тебя и знать, что ты
Навек другой принадлежишь.
Смотреть в глаза твои и в них
Читать укоры злой судьбы;
Не сметь обнять, поцеловать,
Не сметь, не сметь, не сметь, не сметь!
Своим не сметь тебя назвать,
Хотя все мысли — о тебе.
Пусть я грешна! Грехи мои
Не стоят тех ужасных мук
Несостоявшейся любви,
Которые мне душу жгут..

СТРАННИК

(М. П.)

Исходив больше сотни дорог,
Я стоптал не одни сапоги.
Все искал я заветный порог
Того дома, где ждешь меня ты.
Видел дом я не раз во сне,
И тебя, смотревшую вдаль.
Протяну свои руки к тебе —
Лишь железного посоха жаль..

Я молитвы к тебе возносил,
Словно ты — есть всеильный бог —
Даже он мне ту дерзость простил,
Ибо знал, что такое любовь.
Я по пыльной дороге бреду
Все вперед и вперед — к тебе.
О, когда я тебя найду
То от счастья могу умереть!

Губы все искусаны в кровь —
Твое имя я ими шептал.
Верю я, что заветный порог
Все же смогу отыскать.
И безумного сердца стук
Ты услышишь и дверь отпнешь:
Гость желанный, я в дом войду,
И ты дверь за мною запрешь.

Александр ЛЕШУКОВ.

Расскажи, Сайдахон, откуда
У тебя в глазах голубизна, —
Это неопознанное чудо,
Северноозерное без дна?
Где взяла пшеничные, густые
Веера разметанных ресниц,
Косы светлорусые, тугие
Скромных вологодских кружевниц?
Отчего ты пахнешь мятой дикой,
Что растет на северных лугах.
Твои губы тают земляникой
На моих обкуренных губах.
Почему непрошенные вздохи
Грудь волнуют смуглую твою,
Как у той — за Вологдой на Лохе,
Погубившей молодость свою?
Успокойся. Я не отступаю.
И любовь за так не раздаю.
Исцелую всю, изобнимаю,
Да и сам, как свечка, догорю.

О С Е Н Ь

Напевает осень
Грустные мотивы.
Опустили косы
Над прудами ивы.
Желты, опаленный
Лист на воду мечут,
Обнажая кроны
Будто милой плечи.
И как милой очи
Небеса намокли,
Опустились очень,
Выцвели, поблекли.
По туманной сини
Улетели птицы.
Поредел осенник
Как ее ресницы.
За окном узорным
Красная калина
В пламени холодном.

Гроздь раскалила.
Щедро осень мажет
Белыми мазками,
Над моими машет
И ее висками.
Колкий снег кружится,
Леденеют лужи.
Не уйти, не скрыться
От осенней стужи.
Стынет, студенеет
Под горою речка.
И ничто не греет —
Ни вино, ни печка.
Стелется поземка.
Зябко ветер бьется,
Вот уж по задворкам
И зима крадется.

* * *

Наконец со мной
Не наглядный мой
И любовь моя,
И беда.
Ну бери меня,
Ну веди меня,
Ну целуй меня,
Как всегда.
Насиделась я,
Натерпелась я
Все одна, одна,
Все одна.
Ночи темные,
Дни ненастные,
Как невольница
У окна.
Мои губы жжет,
Мое сердце бьет,
Моя гудь горит
Как в огне.
Что насупился,
Что потупился,
Что же стоишь
В стороне.
Подходи быстрее,

Обними сильней,
Эта ночь твоя
И моя.
Почему молчишь,
Хмуρο вниз глядишь,
Это я же, я,
Это я.
Иль в тени густой
В этот час ночной
Ты любовь свою
Не узнал.
Иль от счастья ты
И от радости
Свою голову
Потерял.
«Ты прости, прости,
Этот груз нести
Больше нет уже
Моих сил.
Сам не знаю как,
Знать, попутал враг,
Но другую я
Полюбил.
Не верна она,
Холодна она,
Будто зимний день
Без огня.
Отняла покой
Ледяной рукой
Сердце вынула
У меня».

* * *

Что стоишь, изваяние?
Проходи, проходи.
Земное создание
Из греха и любви.
Сколько детской наивности
В раскосых глазах
И искусной невинности
На капризных губах.
И сдобна и податлива
Будто телка гладка.
Ни горда, ни задатлива

И лукаво кротка,
Никому не обязана,
Не должна, не верна,
Ни к кому не привязана
И ничья не жена.
Похотливая, жгучая,
Приходи, приходи
Исцелю, измучаю
И усну на груди.

ЛОЖЬ И ПРАВДА

«Привет, Кривая, ты жива? —
Так Правда Ложь встречала.
«Что за бестактные слова,» —
Ложь Правде отвечала.
«Тебе ли, милка, задавать
Подобные вопросы
Почти всегда, кому не знать,
Ты оставалась «с носом».
И если только захочу,
Так было, так и ныне,
Тебя и в пыль, и в грязь втопчу,
И нет тебя в помине.
А чуть встаешь опять кричишь,
Хрипя на всю планету.
А уж того, за что стоишь
Давно на свете нету.
Гуд бай, Прямая. Мне пора.
До встречи. А покуда.
Живи-ка ты своим «вчера»,
А я «сегодня» буду.

* * *

Слушай, Никола, слушай! —
Мне тяжело.
Что-то сдавило душу,
Горло свело.
Больно смотреть обратно,
Страшно — вперед.
А жизнь безвозвратно
Мимо идет.
Мимо. А я ни с места.
Да что со мной?!
И ни борьбы, ни протеста,
Ни крика «стой».

* * *

Тебе, читатель просвященный,
На суд и милость отдаю
Предмет моих раздумий скромных
И Лиру бедную мою,
Плоды несмелых упражнений,
Игру фантазии и слов,
Часы летучих вдохновений
Былых досужных вечеров.
Уже за то, что согласился
Любезно книжицу раскрыть
И заглянуть в нее решился, —
Спешу тебя благодарить.
Ну что ж, — лиха беда начало.
Теперь уж — быть или не быть
Зависеть будет и немало —
Смогу ли дальше заманить.
Коль ты солидный и почтенный
Своим вниманьем одаришь, —
Меня за волность изложений
Уж непременно побранишь,
Вздыхнешь и вспомнишь время оно,
Когда и мыслить и писать
Умели более достойно,
На что не смою возражать.
А если — ранний, но бывалый,
Пропахший солнцем и костром,
Видавший виды добрый малый —
Тебе наветы нипочем.
Ни реверанса ты не знаешь,
Ни хитрость тонкую, ни лесть
И всё вокруг воспринимаешь
Таким, каким оно и есть.
Ты и поспоришь откровенно,
И увлечешься невзначай,
И под гитару вдохновенно
Споешь куплет — другой. Валяй.
Коль — непорочная девица —
Найдешь и явный «пересол», —
Уместно будет пристыдиться
И бросить книжицу на стол,
Но лишь затем, чтобы «случайно»,
Когда останешься одна,
Ее опять поднять и тайно

Уже допить ее до дна,
И если ты поэт мастистый,
То снизойди, не оскорбись.
А если критик именитый —
Проигнорируй, отвернись.
Тебе ль пристойно утруждаться, —
Над тощей книжицей корпеть
Или блаженно забавляться, —
И я хотел бы уцелеть.
Таких ли ты собственноручно
И наставлял, и укрощал,
Или журил великодушно,
И по-отечески прощал.
И так, читатель благородный,
Кордон остался позади.
Горит зеленый — путь свободный.
Прошу покорнейше — входи.

ПРОЩАНИЕ С ХУТОРОМ

Прощай, забитый, оскорбленный,
Ты видишь я перед тобой
Стою коленопреклоненный
И с непокрытой головой.
Прощай! И где-то там другое
Найдется место под Луной,
Быть может лучше, но — чужое,
Лишь ты убогий, но родной.
Отец и дед тебя создали,
Овины, избы возвели,
В тайге сырой поля подняли
И, — «Лукшин хутор» — нарекли.
Немало черных туч сгущалось
Больших и малых над тобой,
Немало бед лихих промчалось
И все прошли не стороной.
А ты взирал невозмутимо,
Упрямо их не замечал,
И иступленно, одержимо
Пахал, и сеял, и молчал.
Прости! Но я не в силах боле
Терпеть бесчинство маньяков
И подчиняться слепо воле
Всеуказующих перстов.

Прощай! Когда вернусь — не знаю,
И негодуя, и скорбя
С разбитым сердцем покидаю
Многострадального тебя.
Но веруй, — встреча состоится,
Вздохнет поруганная Русь,
Падет господство инквизиций,
Падет! И я к тебе вернусь.

КАКИЕ ЧУДНЫЕ НАЗВАНЬЯ...

Какие чудные названья
У наших русских рек и сел:
Борки, Березово, Росстани,
Медянка, Шири, Суходол...

Ручей в лесу чуть-чуть заметный —
Журчать едва хватает сил.
Когда и кто словцом заветным
Его, как сына, одарил.

За то раздолье луговое,
За горсть водицы в сенокос?..
Глядится в зеркальце лесное
Рядок застенчивых берез.

И над любой из рек — деревни,
Дома сбежались к берегам.
Любил селиться предок древний
Поближе к речкам и лугам.

И первый дом срубив у нивы,
Свалив тайгу в высокий вал,
Свои места словцом красивым
Навеки, прочно награждал.

И кто он был — никто не знает.
И пусть его давно уж нет —
Его любовь к родному краю
Живет в названьях сотни лет.

МАТЕРИ

Биография мамы
Коротка, в трех словах:
Две войны за плечами,
Шесть детей на руках.

Шила, мыла, вязала,
Пряжу пряла, ткала..
Сколько ж ты не доспала,
Где ты силу брала?

И с колхозной работы
Не ушла на часок,
Сколько ж ты не доспала,
Где ты силу брала?

И с колхозной работы
Не ушла на часок,
Светом вечной заботы
Твой в окне огонек.

Не безделья, не скуки
Не хотела ты знать.
Дай усталые руки
Поцеловать.

СЫНУ

Когда уезжал я из отчего дома
И круто открылся в пути поворот,
Увидел, что мама, любимая мама,
Все так же стояла у старых ворот.

Прости меня, мама, за редкие ласки,
За письма скупые, нечастый визит..
И все повторяется, словно бы в сказке, —
Мой сын у порога в раздумьи стоит.

Ну, что пожелать тебе в жизни, Алеша, —
Из дальней дороги здоровым вернись,
Будь добрым и смелым, под жизненной ношей,
Как было б ни трудно в пути, — не согнишь!

Но я не скажу тебе вовсе ни слова,
А только тайком на тебя погляжу.
Не думай, что я поступаю сурово, —
Я лишь до калитки тебя провожу.

З Е М Л Я К А М

Презрев все трудности и беды,
Кляня дожди и комаров,
К нам земляки с июня едут
Из самых дальних городов.

Гармошка песнями зальется,
Запляшет в окнах яркий свет.
Не раз в постели повернется
Обеспокоенный сосед.

А поутру все в лес да в поле,
На сенокос — лишь старый дед.
Шумит веселое застолье —
Ему конца и края нет.

Вы извините, но — признаться —
Порою трудно нам понять,
Как можно целый день купаться
И до полуночи плясать.

Да вы не видите ли, что ли, —
Деревня в праведном поту...
Так увезите же мозоли
В ответ на нашу доброту.

Д О М А

Я по родной земле немало
За эти годы исходил,
С узбеком рыл в степи каналы,
Рубил тайгу, детей учил.

Я не забуду дом таджика
Друзей, укрывших от беды,
Будь их сердца водой в арыке —
Светлей бы не было воды.

И понимаешь с каждым годом
Все отрешенней и смелей,
Что жизнь должна идти с народом
И с доброй родиной своей.

Да. Дома даже стены лечат,
Прокалит печь радикулит.
Свечу зажгу в тот тихий вечер,
Хоть мама робко не велит.

Гори, свеча. Твой пламень зыбкий
Пускай никто не осмеет
И пусть не вызовет улыбки
У тех, кто знает, как живет.

Пожить бы здесь. Но за порогом
Шумит погода, ждут дела.
Благословляя ту дорогу,
Что тихой жизнью не вела.

ЕСЛИ ВЫЙТИ РАНО-РАНО.

Если выйти рано-рано
За деревню в поле,
Когда легкие туманы
Залили раздолье.
Когда первый луч несмело
Спит, не покачнется
Когда первый луч несмело
Облаков коснется.

А цветы, ракрывши губы,
Пьют росу ночную, —
В час такой навек полюбишь
Сторону родную.

В О Д И Ц А

Вкусная водица
В речке Леденице
На цветах настоена
Будто чай лесной она.
Зубы сводит холодом,
Людам дарит молодость.
Пей ее струистую,
Ключевую, чистую,
В стужу — даже с паром
Сколько хочешь. Даром!

П О В О Р О Т

Мчит машина, скорость набирая,
Тянут елки длинный хоровод.
Вот опять, в который раз родная,
Скрыл тебя дорожный поворот.
И отныне годы и минуты
Будут ожиданием, что вот
Также неожиданно и круто
Въеду я за этот поворот.

Д О Ж Д И К

Тучи плывут молчаливо над лесом.
Сосны застыли, как в страхе девчонки.
Вот набежал и пролился отвесный
Дождик, по-детски шумливый и звонкий.

Рада березка, лопочет счастливо,
Ель недовольна, кустарник промок.
А от сосновой верхушки стыдливой
Струйкой бежит по стволу ручеек.

Н И К О Л Ь С К

Изогнулась полукругом
Юг-река лесная.
Городок стоит над Югом,
Крышами сверкая.

Деревянный, русский, древний
Скромный, тихий, пестрый..
А вокруг него деревни,
Как родные сестры.

А вокруг поля колхозов,
Да лесные дали.
Любопытные березы
В город забежали..

РУБИЛИ ЛЕС

Рубили лес. Мне было больно
Не потому, что он стонал,
А потому, что мир привольный

Легко и просто покидал,
Ревели тракторы сердито,
Трещали пилы у стволов,
И падал лес орлом подбитым,
Спокойно, навзничь и без слов.
Вот так и я. Наверно, ночью
Умру под легонький снежок,
А завтра утром, в девять точно.
Детишки сядут на урок.

О Д О Б Р О Т Е

Мы много говорим о доброте.
А старика к крылечку не проводим.
И нравственной безликой глухоте
Порой и оправдание находим.
Живет в проулке деревенском мать,
Тропинку к дому снегом замечает,
И каждый день,
Наверное, раз пять
Бульдозер мимо к ферме проезжает.
Сидит в кабине парень-здоровяк.
Отец и дед фронтовиками были,
Ему б вдове помочь — пустяк.
Да доброте его не научили.
К чему так много слов о доброте.
Не лучше ль стать
Действительно добрее,
В нетленной человеческой красоте
Нет качества весомей и ценнее.

НАД ХОЛОДНОЙ РЕЧКОЙ ВЕТЛОЙ.

Над холодной речкой Ветлой
Тихо шепчутся березы.
Смотрят ивы в омут светлый,
Где вода чиста, как слезы.
Сколько горьких расставаний
Ветла видела когда-то:
Уходили со свиданий
Женихи в военкоматы.
Наши братья уезжали,
Новых встреч не назначали.

И белее от печали
Над рекой березы стади,
Не забыть мне день тот летний,
Шаткий мост, седой от пыли.
Мы отца за речку Ветлу
В сорок первом проводили.

У Т Р О Б Ы Л О..

Утро было такое росное,
Мы брели босиком по лугу.
То ли травы, березы, сосны ли
Рассказали о нас друг другу.
..Может, правду росую выело,
Может, правды и не было.
Столько солнца на сердце вылилось
Из-за той распроклятой небыли.
Ты ушла за леса дремучие,
Ищешь счастье росинки чище.
Только парни чужие лучше ли,
А меня ты давно не ищешь.

Л Ю Б И М О Й

Ой, глаза! В вас синь озерная
И беда, коль глянешь раз
Бьется искорка задорная
В глубине счастливых глаз.

Где покой? Иль был, иль не было?!
Затопила синь покой.
Я по жизни, словно в небыли,
За твоей иду рукой.

И в глаза твои глубинные
Не осмелюсь, не взгляну.
Скоро в них я, синеокая,
Всем сердечком утону.

Ростислав Панов

ГОЛУБЕЮТ СНЕГА

МОЯ ТРОПИНКА

В город я шагаю не по большаку, где день-деньской гудят машины. У меня свой маршрут. Я сворачиваю за деревню, спускаюсь в небольшую ложинку, где бьется неутомное сердце маленького ручейка. Здесь немного постою. Стало привычкой подержать в ладонях пригоршню чистой, обжигающей воды, прикоснуться к ней губами.

Вверху ручейка омуток. В нем живут стремительные гибкие хариусы. Их ни за что не разглядишь, пока не кинешь в воду загодя припасенного червяка. Из таинственной глубины матово сверкнет серебро и опять исчезнет. Даже не успеешь сказать: «С добрым утром, рыба».

От омутка тропинка поднимается к одинокой старой березе, под которой какой-то добрый человек любовно изладил небольшую скамеечку. Она мокра от росы, но, право, стоит на ней посидеть хотя бы минуток пять. Вдалеке лес, над ним медленно-медленно занимается осенняя заря. Береза нехотя роняет лист на седую траву, задумалась. Скоро встречать ей на бугре метели.

От березы шагаю полем, потом лугом с редкими ивовыми кустами. Совсем недавно здесь собирал волнушки. Розовые, с нежной бахромой по краям. Подкосили их заморозки. Но что такое? Опята! Собрались в кружок, словно беседуют о чем-то.

...Кончилась моя тропинка. Жаль, что так коротка! Но в душе опять стало тепло от того, что она есть и по ней можно пройти еще не один раз.

ХРАБРЕЦЫ

Возвращаясь с дальней пожни, куда я ходил за волнушками, присел возле меднолицей сосны. К ней притулилась пирамидка муравейника.

Сквозь пожелтевшие кроны деревьев лилось медовое солнце. Стоял погожий день и роща была

полна жизни. Занимались своим делом и муравьи. Одни суетились у меня под ногами, другие ползли вверх по сосне. Вот они обогнули сломанный сук и остановились. Дальше путь преграждала широко растекшаяся свежая смола — след от недавнего топора.

Беспокойно задвигали усиками муравьи, пробуя передними лапками смолу, столпились, как бы совещаясь. И нашелся один храбрец. Увяз. К нему поспешил второй, третий..

Умирая, они прокладывали дорогу другим.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА ЯБЛОК

Давно собрал я в саду яблоки. Их столько уродилось, что и засушил вдоволь, и варенье наготовил изрядно.

Часть яблок пришлось засыпать в разную тару и оставить на крыльце. Проходит неделя, вторая — и замечаю, что яблок в одном из ящиков становится меньше и меньше. Подумал, что может их берут мои девочки. Оказалось — не так.

Рано утром бабушка подоила козу и выпустила до выпаса во двор. Но лопухам, которые росли возле забора, коза предпочла другое. Она подошла к крыльцу, уверенно открыла рогом дверь и принялась уплетать яблоки.. И в глазах ее было такое довольство, что у меня не поднялась рука вытурить ее вон.

ЛЕСНОЙ ЧАЙ

Установился снег. Умиротворенными лежали поля, задумчиво и ново выглядели леса и перелески. Кажется, все живое перекечевало в теплые края, поближе к лесному солнцу. Но это только на первый взгляд. Под нависью елей, в кустах ивняка незаметная идет жизнь. Перелетела стайка синичек, стряхнув на землю пушистое серебро, распушили перья па рябине свиристели.

Еще до зорьки ушли мы с дедом Иваном на зайца. Не одна верста остались позади, а счастья

нам так и не выпало. Измученные мы выбрали сухой пригорок, развели костер и собрались по-чаевничать. Когда закипела вода, полез в сумку за коробкой индийского чая, да не нашел, в спешке оставил дома.

— Дед, что будем делать? — огорченно спросил я.

— Эка беда. Свою заварку придумаем.

И, верно, придумал дед. Густой получился чай, наваристый, вкусный.

— Вот так-то, милоч, — поучительно сказал он, — в лесу не пропадешь, коли его знаешь, можно найти все, не только чай.

А чаем оказался обыкновенный зверобой.

В ДВУХ СЛУЧАЯХ

В командировке был. В глухом-глухом уголке. Редкие деревеньки, а кругом леса, охваченные осенним пожаром. Безлюдье, тишина. Разве что иногда прогудит лесовоз.

Я уже собирался домой, да припустил надоедливый дождь. Куда денешься? И отправился к знакомому учителю - пенсионеру. Переночевал, а дождь все не унимается. Дорогу совсем развезло. Приуныл. Посмотрел на меня хозяин, предложил: «Пойдем-ка, друг ситный, на рыбалку». Я рукой махнул: какая уж рыбалка!

Однако он меня уговорил. Привел к небольшой речушке, затерянной в кустах. Размотали удочки. Нацепили светлые мормышки. И началась удивительная ловля. Брал хариус. За какой-нибудь час у нас была полная корзинка! Дома Василий Григорьевич объяснил мне, что хариуса хорошо ловить в двух случаях: «Летом, когда вылет паутов и осенью в дождь.

— Дождь его от осенней раздумчивости встряхивает. Пузырьки на воде для хариуса вроде упавших на струю паутов*. Напоминание, что ли, о лете.

* паут — слепень.

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Холодными были дни в конце августа. А в начале сентября стали перепадать и дожди. Но вот неожиданно потеплело. Отправился я в лес за пихтовым венником. Иду знакомой тропинкой мимо высокой осины. И вдруг слышу над головой словно бы шорох.

Глянул — все ветви словно помолодели — нарядились молоденькой зеленой листвой.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Случилось солнечное затмение. Как раз готовил дочке гербарий. День такой солнечный, славный, теплый. Как летом, хотя и осень.

Как-то неожиданно стемнело. Спрашиваю дочку: «Неужели уже вечер?» — Нет, — говорит, — еще полдень, я только недавно из школы пришла. Сегодня солнечное затмение.

Спутал день с вечером не только я один. Во всех концах деревни в этот час запели петухи.

ЕЖ—ГРИБНИК

Однажды отправился в лес попытать грибное счастье. Встал на зорьке, когда еще роса лежала на пожухлой траве. Сунул в карман краюшку хлеба и зашагал через поле к знакомому сосновому бору. Много исходил мест, а корзинка еле наполнилась наполовину. И я решил отдохнуть на песчаном бережку безымянного ручейка. И тут откуда-то появился ежик. Самый обыкновенный. Он неторопливо двигался по стволу березки, перекинутой через ручеек. На спине у него лежал белый гриб. Я проследил: ежик принес его в гнездо. И снова отправился в обратный путь. Я осторожно двинулся следом. И не зря. Такое редко увидишь. Под высокой елью росло целое семейство белых грибов. Штук пятнадцать. Ничего не скажешь — удачлив еж-грибник.

Откуда рыжики взялись?

В конце сада вырос ельник. Его насадил когда-то мой отец. Здесь совсем как в лесу. Под ногами тысячи опавших иголок, почерневшие шишки и даже мох с кустиками брусники.

В начале октября пришла в ельник дочка, чтобы сломать на метелку несколько лапаков. Глянула под ноги и удивилась: целая стайка рыжиков, крупных, крепких. Позвала меня: «Такое увидишь, что не поверишь». И вот мы вдвоем собираем рыжики.

Но откуда они взялись в саду? Загадку разрешила мать: «Вы из лесу приходите, грибы почистите, а я все отходы под елки кидала».

ТОЧНО ПТИЦА В СИЛКАХ

Вытянулся к югу журавлиный клин. Шемящий крик заставил меня остановиться. Вот птицы появились над пригорком, где росла лиственница.

Я часто бывал здесь и только теперь заметил, что верхушка ее наклонена на юг и как бы раздвоена на два крыла. Издалека — точно птица в силках, рванувшаяся за этим тревожным и печальным криком.

ПЕТУШКИ

Целый день в саду, пожелтевшем и сумрачном, веселые птичьи голоса рассыпаются, точно серебряные колокольчики. Эти петушки по калинку пожаловали. Меня они не испугались, и я успел хорошенько на них насмотреться. Доверчивая, удивительно красивая птица — свиристель! Грудка и спинка серенькие, по бокам беленькие камочки, а кончик хвоста желто-зелененький, словно в краску только что опустили. Но самое главное — на головке гребешок-хохолок. За этот гребешок и прозвали птичек петушками.

Сидят петушки на веточках, калину склевывают, серебряные колокольчики раскатывают. Весело им, хоть и осень на дворе.

МУЗЫКАНТША

Ураганным ветром сломило у сосны верхушку. А на месте излома осталась тонкая и длинная щепка, она торчала как ложка из голенища у походного человека.

Я много раз проходил по тропе около сосны и перестал обращать на нее внимание. Но как-то еще издали услышал, идущие от искалеченного дерева странные и непонятные звуки. Они напоминали дрожжание листа фанеры.

На всякий случай стал двигаться осторожно и был весьма удивлен. Сосновой щепочкой играла сорока. Пригнет ее и отпустит. А потом слушает. И так много раз. Музыкантшей оказалась белобочка.

ПОДАРОК

Один мой хороший знакомый; живет в большом городе. Собрался я к нему и задумался: чем бы его порадовать? Медом, да вареньем не удивишь. Может рыжиков да груздей соленых?

Родня давала разные советы, а мне пришлось по душе предложение Лады.

— Ты, говорит, папка, иди-ка в лес, захвати с собой лопатку. Найди табунок белых грибов и выкопай.

Положил я грибы вместе с хвоянками и сырым мохом в корзинку и привез приятелю, и сказал: «Это подарок от Лады».

И был он ему насказанно рад, и целый вечер вспоминал родные места, и все сулился навесить их.

ЛИСИЧКИНА ДОРОЖКА

Долго мы ходили с Ладой по лесу. Нашли два моховичка, да с десятков сыроежек. Расстроились от такой неудачи и собрались было домой. Бредем по дорожке, глядь — впереди что-то желтеет.

— Вроде грибы? — в сомнении говорит Лада, нагибаясь и срезая медовый, остро пахнувший пятачок.

— Грибы и есть, лисички, — отвечаю я.

— Можно брать?

— Можно.

Много набрали мы лисичек. Нажарили и намариновали вдоволь. А дорожку, выручившую нас, Лада прозвала лисичкиной.

ПРЕДЗИМЬЕ

Печален осенний день в лесу. Голые стоят осины и березы. Осыпает иглу лиственница. Давно высохли и поблекли травы. Серое небо прильнуло к земле. Надоедливо моросит колючий дождь. Неделя за неделей. А потом вдруг погода сменяется бурей. Гнутся вековые ели. Со стоном ломаются на вырубках осины. Ветер гонит опавшую листву по просекам и темным руслам речек.

Стихает буря. И однажды утром первым делом обнаруживаешь, что земля ночью напахнула на себя белый халат. Слегка морозит. Но это не настоящая зима. А пока в лесу просторно и чисто, похрущывает снежок, словно свежий кочан капусты. Находишь и другие перемены. Резвунья белочка в теплой шубке. Утеплела гнездышко, проверяет кладовые. У рябчиков на пальчиках появилась роговая бахромка — своеобразное приспособление, чтобы не соскользнуть с обледенелых веточек.

«ГОСТЬЮШКА»

В ноябре то снег, то дождь, то ветер день-деньской. Лежит дед Иван на печи, свои кости греет. А Марья, жена, прибирается в избе и пилит старика: «У всех баб мужики путевые, ни единой минуты без дела не сидят, что-нибудь да по хозяйству ладят. Сколько раз говорила тебе — подруби баню да потолок заново засыпли».

Долго распекала Марья мужа, пока, наконец, он не захлопнул за собой дверь. Пятистенок деда

Ивана на краю дереvушки, а баня — за огородом, лес — рукой подать. Зашел дед в баню и решил начать с потолка, чтобы в глаза потом не пылило. Залез, чихнул и вздрогнул от неожиданности: из-за трубы на него смотрели чьи-то живые глазенки. Протянул дед руку — хватъ — и ощутил теплый клубочек. Видит — белка! Сунул за пазуху и обратно в избу.

Белочка на первых порах дичилась Марьи и Ивана. Потом привыкла и стала спокойно зимовать у гостеприимных хозяев. Они так и зовут ее «Гостыюшка».

ДАШУТКА

В доме Марьи с осени жила сорока. Звали ее Дашутка.

— «Ребята из рогатки подбили, а я подобрала и — выходила», — объяснила Марья.

Жила Дашутка безбедно, пила и ела вволю. А любопытства в ней было — хоть отбавляй. Ни один предмет в доме не оказался обойденным ее вниманием. Любопытна была Дашутка и к людям. Из них она больше всех привечала почтальонку Любу. Сядет на плечо, потом на сумку вскочит, блестящие застѣжки клювом пробует, на Любины руки глаз косит — нет ли гостинца.

Однажды весной у Любы случилась неприятность. Потеряла она золотой перстенеk. Запасмурилась, закрустила. Да что поделаешь?

Прошел месяц. Как-то раз приносит Люба Марье пенсию. А старушка улыбается и говорит: «Ты мне пенсию, а я тебе, доченька, — подарок». И подает то самое пропавшее колечко.

— Дашутка где-то нашла, она теперь все больше на улице, глаз зоркий...

ЗИМНЯЯ РАДУГА

За садом встала зимняя радуга. Она была почти как летняя: переливалась разными цветами, от нежно-голубого, до светло-розового. Только не хватало у нее силы подняться от горизонта до

горизонта. Очарованные ею, стояли ели и сосны. Даже ветер стих и с деревьев медленно-медленно оседала алмазная пыль. А на другой день ударили холода.

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

Иду по лесу на лыжах. Тишина. А вчера колобродила метель. Все пути-дорожки перепутала. Найдешь начало, а середки-то нет. На окраинах полянок ели чуть ли не по грудь в сугробах.

Поколобродила метель, всего напридумала. Вот пень на просеке стоит. Пень, как пень, только на верхушке у него пушистая шапка. Ни дать, ни взять — огромный белый гриб.

СЕРЕБРЯНЫЕ СЕРЕЖКИ

Под утро, когда начали гаснут звезды, проснулся в лесной чащобе Дед-Мороз. Потянулся, разминая косточки, молодецки притопнул. И пошел считать-пересчитывать деревья. Добрался до реки, захотелось напиться. Трахнул кулачищем по льду-полынье, дымится, словно самовар...

Перебежал Дед-Мороз в деревню. Дымки над крышами поднял, в двери клинышки позабавал, изузорил оконца.

Захотелось Ладе на улочку глянуть. Подышала на стекло — растаяли узоры. Еще подышала — веточка березы стала видна. А на веточке серебряные сережки висят. Жаль, не успела их Лада примерить. Поднялось мартовское солнышко и унесло подарок Деда-Мороза.

КАК КОРАЛЛЫ...

Ночью в бездонной черноте высоко стояла луна. От стужи потрескивало в углах изба и напряженно гудели провода на столбах.

Утром небо было уже голубым и верхушки берез мне показались удивительно похожими на морские кораллы.

ГОЛУБЕЮТ СНЕГА

Давненько не бывал в лесу и затосковало сердце. Вот и знакомая полянка — Васина Чаша. Обданная утренним морозом, она казалась серебряной. И сыпались, сыпались в нее со всех сторон золотые блески.

Но не только золото и серебро украшали Васину Чашу. Когда солнце поднялось над бором, на поляну легли голубые тени. И от нее, наверное, пролились во все стороны голубые снега.

ТОНОК ДА ЗВОНОК

Течет за деревушкой ручеек. За хрустальность струй, за холодную жгучесть дали ему люди имячко — Студенец. Случись у кого гость, обязательно бегут на Студенец. Мол, попробуй нашего чайку, подивись! Чашка за чашкой, а все вроде пить хочется, потому как в самом деле вкусна, сладка водичка из Студенца.

В декабре густо навалило снегу, без лопаты шагу не ступишь. А тут как раз такой случай, что надо сходить на Студенец за водой. Шагаю с ведерком и думаю: наверное, ручеек спрятался под сугробами. А зря опасался: звенит, говорит струйка! Позже ударили морозы, а Студенец хоть бы что. Только пар над ним тоненьким облачком курит. Все жив маленький упрямец. Бормочет, искрится на солнце, как бы говоря: «А что мне поделается. Хоть и тонок — да звонок, живу».

ВОЛШЕБНАЯ ВЕТОЧКА

Дед Иван стоял на коленях перед кучей сухих еловых веток и внимательно осматривал их одну за другой.

— Ты чего делаешь? — спросил я.

— А увидишь.

Наконец дед выбрал одну веточку, одобрительно хмыкнул и повел меня к углу дома. Здесь он остановился, извлек из кармана тулупчика гвоздь

и молоток, и прибил еловую веточку к концу бревна.

— Веточка эта, брат ты мой, не простая. По-годушку предназначена определять. Ежели к низу согнется — быть ненастью, а когда распрямится — жди хорошую погоду.

Дед Иван рассказал, что не всякая веточка годится на такое дело, а только сухая, длинная, без трещинок и надломов. Надежна она, как барометр. Словом, как ни поверни — а веточка волшебная.

ВОРОБЬИНЫЙ КОРМИЛЕЦ

Однажды в лютую январскую стужу зашел я в кочегарку к старому знакомому Паше Колосову. В печке весело гудело пламя. А Паша сидел на гопчане и растирал в ладонях кусочек черного хлеба.

— Еду вот готовлю сорванцам, — ласково сказал он и кивнул на окно. Там на переплете рамы, в открытой форточке сидели воробьи — целый ряд пушистых серых комочков.

Паша собрал крошки хлеба и рассыпал на досках между котлами. И тотчас затрепетали в воздухе крылышки. Воробьи безбоязненно уселись на доски и принялись клевать. Некоторым, кажется, не хватило, и они опустились на цементный пол, прося добавки.

— Совсем, как ручные, — заметил я.

Кочегар улыбнулся:

— Почитай, весь месяц от стужи здесь хоронятся, днюют и ночуют. Я для них вроде поильца-кормильца.

СОСУЛЬКА

Их было много. Когда я с Ладой выходил на улицу она говорила: «Смотри, папа, какие красивые!».

Они казались выточенными из хрусталя. Едва лучик солнца падал на них, они становились еще

светлее и прозрачнее, а внутри как бы проглядывался стерженек.

Шли дни, все выше поднималось солнышко, снег с крыш убывал и убывал.

Однажды с утра отправился на Студенец с ведрами. И слышу: дзинь, дзинь, — словно разбилось тончайшее стекло. Оборвалась последняя сосулька. В этот день в логах сквозь снег проступила вода.

РАСПУСКАЕТСЯ ВЕРБА

Иду лесом, уже распахнувшим зимнюю шубу. Снег рыхлый, тяжелый. Порой останавливаюсь и смотрю, как неторопливо плывут кучевые облака. Разводя между ними васильковые, и то увеличиваются, то сужаются. К полудню тучи ушли и небо стало похоже на громадное озеро, окончательно освободившееся от льдин.

Очутившись на берегу, я прежде всего стал бы искать точно такой же лес, а в лесу вербу. Почувяв весну, она нынче помолодела. На прутиках ее — десятки пушистых нежных комочков, точно цыплят, сбжавшихся к наседке.

ОПАДАЕТ ИГЛА

От кустов и деревьев синие тени, скорее синево-дымчатые. В руслах речек все больше оконцев с талой водой.

Бабушка моя сожалеюще говорит: «Все не то замечаешь внучек».

— Разве не то?

— Нынче на две недели лед раньше унесет. Раньше чем в прошлом году пахать выедут.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри-ка под ноги елке, сыплет и сыплет иглу.

ЛАКОМКИ

В лесу терпко пахнет хвоей и разогретой смолой. С дедом Иваном идем по размягшей дороге, пробираемся на речку Большая Микитиха, где водится стремительная рыбка хариус. Дед загадочно молчалив. Я знаю, опять чем-то хочет удивить, И не ошибся. В березовой рощице услышали стук дятла. Дед встрепенулся: «Только тихо...».

Вскоре подошли к маленькой березе. Лесному хирургу вроде бы здесь делать было нечего. Дед заметил мое нетерпеливое движение и шепнул: «Сейчас все поймешь». Дятел спустился с ветки к основанию дерева. «Тюк-тюк, — и замер. Минуло две-три минуты. Дятел передвинулся на новое место и опять: «Тюк-тюк». И снова передышка.

«Странный он какой-то», — сказал я.

Дед Иван собрал лукавые морщинки на лбу и ошарашил меня:

— «Он же сок пьет!».

В рощице нашли мы с десяток берез, с маленькими дырочками в стволах. И тут добывали сок дятлы-лакомки.

СИЖУ ПЕЧАЛЬНЫЙ

Один знакомый ложок весь был затоплен ивняком. Весной из поля казалось, что эта зеленая и полноводная река выбегает к ближайшему лесу.

Был знакомый ложок с ивами и птичьими песнями. А теперь не стало. Заготовители корья начисто извели мою реку. Сижу на поваленном дереве печальный.

ЖИВОЙ МОСТИК

Верховья речки Микитихи поросли сосняком да пихтой. Иногда к воде выбегают березовые рощицы. У прохладных курпажин встречаются рябины.

Пробираясь по речке с удочкой, натолкнулся на поваленную старую черемуху. По всему стволу,

лежащему над быстриной, проросли молодые побеги.

Стоял май. Я перебрался по живому цветущему мостику на другую сторону.

АИСТЫ

Весной, когда уже начали утихать говорливые речки и пробиваться первые клейкие листочки тополя, прибежали ко мне соседские ребята и, перебивая друг друга, враз заговорили: «Дядя Слава, пойдем скорее, какие-то птицы прилетели, по лугу ходят, смешные, никого не боятся. Мы еще таких не видели».

Луг рядом, возле речки Студенец. По талой земле важно расхаживали белые аисты. Я рассказал ребятам, что аисты живут на юге, что жители Украины и Молдавии устраивают для них гнезда на крышах своих домов: существует даже поверье, что аисты приносят счастье.

Рассказал ребятам, что прилет аистов к нам, на Север, очень редкое явление и наказал беречь птиц.

Летом я вновь приехал в деревню и первым делом отправился на Студенец. Аисты спокойно занимались своим делом. Порадовался, что мальчишки выполнили мой наказ, и что у аистов появилась новая родина, не менее прекрасная, чем юг.

ДОЖДИК МАЯ

Ночью я проснулся от непонятного беспокойства. То, что под окном разговаривали ели — сразу уловил. То, что легонько раскачивался желобок под крышей — понял. Дошло до меня, что Дружок, обыкновенно спавший на улице, поднялся и прошмыгнул под крыльцо.

Потом ветер куда-то отнесло, и в установившейся тишине будто треснула яичная скорлупка — до того едва ощутимы были первые капельки по стеклу.

Очевидно горячи и сладки были весенние дожди, потому что с утра, подмятые было заморозками, весело вздохнули ручьи.

Над Красной горкой комариным облачком повис пар. Где-то в глубине просветленного леса тревожно и радостно подала голос кукушка...

...Зачастую маешься, ждешь чего-то И оказывается иногда—обыкновенного весеннего дождика.

БЕЛЫЕ КАМУШКИ

Косил. Захотелось напиться. Пока пил, ничего не замечал и не ощущал кроме прохладной воды. И только потом увидел, что дно водопадика выставлено сине-красной глиной А на ней лежали, точно на расписной тарелке, белые, как снег, камушки.

ВОРОТА УДАЧИ

В начале июня рыжики встречаются очень редко. О них появлении мне сообщил колхозный пастух. И вот иду в лес. В ложках студено. Здесь не задерживаюсь, мне надо к полянкам, где растут маленькие елочки.

Оглядываю одну, другую — нет рыжиков. Вход к третьей полянке перегораживают две сосны, вверху сомкнувшиеся кронами. Похожие на ворота, подумал я. Нагнулся, чтобы не порвать серебряную от росы паутиновую нить и чуть не наступил на рыжий гриб-пяточок.

ЕЛИ ШУМ

В саду росли черемухи и несколько рябинок, а под их тенью как-то незаметно проклюнулась елочка. На благодатное, видно, место угадало семечко: как на дрожжах поднималось деревцо.

Много зим минуло, много весен пролетело. Деревцо превратилось в стройного великана. Возвратившись с рыбалки, я любил сидеть под елью, слушать торжественный и спокойный шум ветра в ее вершине. Но случилась гроза. Она всю ночь

грохотала над деревней. А на утро я увидел обезображенную ель. Вершина ее была сломана. В изломе застыла смола. Этот излом был так бел, что походил на выбеленную солнцем кость.

Я думал, что захиреет дерево, не оправится от тяжелой раны, но ошибался. Возле излома поднялась маленькая лапочка и потянулась вверх к солнцу. Так началась новая верхушка. И опять часто сижу под елью, подолгу слушаю величавый шум ее обновленной вершины.

ЖЕЛТЫЕ ГРУЗДИ

— Папка, почему тепло и ничего не видно?

— А это грибная мгла, Лада.

— Почто грибная?

— А сейчас на полянках под ивовыми кустами появляются на свет нежные волнушки, а возле елочек закутываются в мох только что родившиеся белые грибы, да грузди.

— А мы тоже идем по грузди?

— По грузди..

Мы миновали поскотину. Толщу тумана пробило солнце, и он прижался к земле, побежала по дороге, скатываясь в ключевые низинки.

Лада теребила вопросами.

— А какие они, грузди?

— Есть белые, желтые, синеющие, черные; есть скрипуны, которые скрипят на зубах. А название их всех происходит от славянских слов «груздие», «грудие» — что значит «куча».

По белые грузди я не повел Ладу: слишком далеко идти, устанет. Из поля мы свернули в Подболотье.

Вначале заглянули в овраг, поросший кустами ивняка. Над ним возвышались одинокие замшелые великанши — елки. Под одной из них сразу же обнаружил целую стайку груздей, величиной от пяточка до размера с чайное блюдо.

— Ложи, Лада, в корзинку.

Лада срезала гриб и стала рассматривать.

— Верно, желтый, в темных крапинках, а на

шляпке точно ободки, а на ножке как капельки меда выступили..

Интересен желтый груздь. Растет он и на открытых еловых полянках и даже у закраек полей, в кустах около тропинок. И самое главное — держится один в тех же приметных для грибника мест. Ходи себе с июля по сентябрь с корзиной да пестерем. А уж до чего крепки, душивиты! И после засолки пахнут неповторимым лесным ароматом.

На другой день Лада против обыкновения встала совсем раненько: «Папка, нечего спать, пора по грузди!».

Еще одним грибником стало больше.

ВСЕМ ГРИБАМ ПОЛКОВНИК

Несколько раз в конце августа обжигал землю иней. С восходом солнца с крыш капало, белая, как обсыпанная солью, трава вновь принимала свой естественный цвет.

Я уходил в лес, и каждый раз возвращался с пустой корзинкой. Встречались старые, оплывшие грибы, а новых не росло. Думал, что повредили утренники грибницу и не срезать мне больше рыжиков и маслят.

Настал сентябрь. Похолодало. Потом ветер подул с юга. Раз ночью проснулся от того, что как от пушечного выстрела, вздрогнула старая изба. В окна бил яркий фосфорический свет, громыал гром.

Спать больше не хотелось. Я оделся и вышел на крыльцо. Пахло мокрым деревом и крапивой. Дождь перешел в ливень. Я подставил ладони и ощутил живое тепло звенящих струй.

Минуло несколько дней бабьего лета и снова шагаю по лесной тропе. Она ведет мимо скошенных пожен, выходит на крутой берег Животовского озера и оттуда спускается прямо к бору. На закрайке его нахожу один масленик, другой. До того махонькие, что шляпки снизу еще не освободились от белой и скользкой пленки. Такие самый раз мариновать.

Собирая масленики, продвинулся до ольховой рощицы, стоящей неподалеку от реки. Здесь меня ожидал королевский подарок бабьего лета. Большой, почти с чайное блюдце, крепкой ножкой опирался на землю гриб-боровик. В отличие от хвойника-рыжика он светлее, ободки на шляпке розовенькие, точно у волнушки.

Крепко сбит и крепок духом, говорят про него лесовики. И, верно, ядер. Ни трещинки, ни червоточинки.

Всю рощицу исползал я на коленках, осторожно раздвигая руками вороха багровых листьев. Гриб - боровик с первого взгляда не обнаружишь. Нужно ему поклоняться. И того он стоит. Недаром знающие люди говорят: «Гриб-боровик — всем грибам полковник».

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

За окном окуржевевшие березы, похожие на старинные прясницы. Невидимые пряжи сбрасывают с подолов остатки кудели и они летят на землю серебряными блестками, бесследно тая в морозной тишине. И только чисто вымытое небо напоминает мне о других — теплых и уютных днях, когда березы за окном смотрели взглядом веселых и беззаботных молодцов.

В те отлетевшие летние дни я часто пропадал в лесу. Я уходил на далекую Баринову пашню. Первый груздь попался мне в июле. Был он небольшой, с беловато - водянистыми кружками на шляпке, с круто загнутым краем, опушенным нежной бахромкой. Возле него, точно белые пуговицы, рассыпались меньшие братья.

Я не срезал ни одного. Наоборот — прикрыл влажным мхом, и около елки оставил приметку — прислонил к ней тонкую сухую жердочку.

Через неделю мои грузди подросли. Я стал ходить возле елки кругом, все больше и больше от нее отдаляясь, и набрал целую корзину холодных, скользких, ядерных грибов.

Я кончил ходить на Баринову пашню с первыми заморозками. Перерослые грузди большей частью уже подгнили, а маленькие, как золотые медальки, звенели, стукались о дно корзины. Это был последний поклон ушедшего лета.